

УДК 316.346.32-053.6

ББК 60.542.15

М 69

Я.В. Морозова,

соискатель кафедры философии и социологии Адыгейского государственного университета, г. Майкоп, тел.: 8(863)2641912, e-mail: yanamorozova0@gmail.com

Оценка профессиональной компетентности русской молодежи в условиях современного рынка труда и профессионально-трудовых отношений

(Рецензирована)

Аннотация. В данной статье автор с позиций разработанных в рамках познавательно-развивающей парадигмы образования и положений активистской социологической парадигмы критериев профессиональной компетентности на основе понимания профессионала как актора социального действия оценивает уровень профессиональной компетентности русской молодежи в условиях инновационного общества.

Ключевые слова: молодежь, профессионализм, профессиональная компетентность, рынок труда, молодежная безработица, нестандартные формы занятости, инновационное общество.

Ya. V. Morozova,

Applicant for Candidate degree of the Department of Philosophy and Sociology of Adyghe State University, Maikop, ph.: 8(863)2641912, e-mail: yanamorozova0@gmail.com

Assessment of professional competence of the Russian youth in today's labor market and vocational and labor relations

Abstract. In this paper, the author evaluates the level of professional competence of the Russian youth in innovative society from the perspective of the cognitive-developing paradigm of education and regulations of activist sociological paradigm of criteria of professional competence based on the understanding of the professional as an actor of social action.

Keywords: youth, professionalism, professional competence, labor market, youth unemployment, non-standard forms of employment, innovative society.

Профессиональное становление молодежи происходит в условиях, не обеспечивающих высокого уровня профессиональной компетентности, который позволил бы ей успешно адаптироваться на рынке труда и реализовать свой инновационный потенциал, который, как отмечают российские исследователи, есть у русской молодежи, но при этом имеет место быть суженный спектр ее реализации, что побуждает успешных выпускников русских вузов мигрировать за границу [1; 35]. Это одна сторона вопроса, в то время

как другая, отталкиваясь от мнения К.А. Устиновой, заключается в несоответствии, помимо количественных диспропорций на рынке труда, что проявляется в дефиците квалифицированных кадров, получаемого образования и профессиональных компетенций требованиям рынка труда [2; 97]. Другими словами, выходя на рынок труда, молодежь не владеет специализированной системой знаний для успешной профессиональной деятельности.

Мы задаемся вопросом: на что должны ориентироваться сегодня молодой

профессионал, который хочет стать профессионально компетентным и добиться профессионального успеха? В соответствии с нашей системой критериев, разработанной в рамках активистской парадигмы социологии, ориентированной в исследовании профессионализма на формирование профессионала как актора социального действия, основными критериями оценки профессиональной компетентности молодежи являются: высокая ценность профессии и профессиональной деятельности в жизни индивида (профессия как дело всей жизни); наличие специализированной системы знаний и готовность к их обновлению по мере появления инноваций в конкретной области профессионального знания; способность к самостоятельному поиску новых знаний, овладению профессиональными инновациями; готовность к проектированию индивидуальной траектории профессионального развития; высокий уровень профессиональной ответственности как ответственности за принимаемые профессиональные решения и их последствия; высокий уровень профессионального активизма как стремления своей профессиональной деятельностью преумножить общественные блага, т.е. принести пользу обществу, повысив тем самым престиж своей профессии; владение различными алгоритмами профессиональной деятельности в условиях усложняющегося социума и высокой скорости социальных изменений; готовность к диверсификации профессиональной деятельности и профессиональной культуры, т.е. их изменению, совершенствованию с учетом изменений в условиях новой социальной реальности; способность к творческой активности и готовность к реализации инноваций в ходе профессиональной деятельности; эффективность профессиональной деятельности как способность успешно решать любые профессиональные задачи. Данные критерии сформулированы с учетом нашего видения того, каким должен быть профессионал в современном обществе. Попытаемся оценить, насколько соот-

ветствуют этим требованиям профессиональной компетентности молодые специалисты в современной России.

Проведенный нами анализ с опорой на работы российских ученых о профессиональном выборе молодежи показал, что современная российская молодежь при выборе профессии ориентируется на ряд факторов, не имеющих отношение к такому критерию, как «любимая профессия», «интерес к профессии», что формирует в последующем несоответствие критерию «профессия как дело всей жизни». Так, Л.А. Семенова пишет, что среди опрошенных ею школьников уровень оплаты труда выступает самой значимой характеристикой будущей профессии наряду с такими показателями, как наличие социального пакета и комфортные условия труда [3]. Показательно также, что успех в жизни у опрошенной ею школьной молодежью не связывается с определенной профессией. Причиной такой ситуации в молодежной среде выступает трансформация самого института труда в России по мере углубления социально-экономического кризиса и социального расслоения.

Труд превратился в средство выживания и больше не ассоциируется с развитием личности, ее совершенствованием посредством трудовой деятельности. Высокая оплата труда и стабильность трудовой занятости как ключевые ориентации в сфере труда для всех категорий россиян, за исключением категории российских граждан пожилого возраста, которые еще сохранили советские трудовые ценности и установки [4; 272], стали таковыми в условиях перехода к рыночным отношениям весьма кризисного характера. Молодежь, сформировавшаяся в этих рыночных условиях, естественным образом отреагировала трансформацией трудовых ценностей, что отразилось и в фундаментальном исследовании молодежи ИС РАН «Молодежь России: социологический портрет», в рамках которого ученые выяснили, что для 79,2% российской молодежи работа, которая могла бы их удовлетворить, должна быть хорошо оплачиваемой;

для 48,2% — интересной, для 39,7% — с хорошими условиями труда, для 30,4% — с хорошими социальными гарантиями, для 27% — с возможностью профессионального роста, для 18,6% — с возможностью реализации творчества и инициативы, для 18,5% — престижной, для 14,3% — с возможностью сделать быструю карьеру, для 14,2% — с перспективой свободного времени для осуществления других видов деятельности и только 12,5% опрошенной молодежи считает, что работа должна приносить пользу обществу [5; 169]. Полученные общероссийские данные в целом коррелируют и с региональным срезом данной проблемы [6].

Ценности интересной работы у современной российской молодежи, по мнению, Тихоновой Н.Е., постепенно снижается, что способствует формированию такого явления, как «отчужденный труд», который воспринимается с позиций приносимого им материального дохода [7]. Максимальная концентрация на материальной стороне труда у российской молодежи, конечно же, ставит остро вопрос о том, каким образом при подобных установках на труд будут формироваться профессиональные компетенции молодежи, в которых такому критерию, как ценность профессии как смысла жизни и дела всей жизни, нет места. Отталкиваясь от приведенных выше данных о трудовых ценностях современной российской молодежи, мы можем также отрицательно оценить перспективу формирования у нее такой профессиональной компетенции, как «высокий уровень профессионального активизма как стремления своей профессиональной деятельностью преумножить общественные блага, т.е. принести пользу обществу, повысив тем самым престиж своей профессии». Ценность труда заметно инструментализировалась в России, что выступает источником ее инструментализации в молодежной среде. Так, согласно проведенному Чупровым В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. фундаментальному исследованию, большинство россиян (54,3%) связывают труд с заработком, а 15,7% считают

его вынужденной необходимостью, т.е. при иных обстоятельствах эта категория людей не стала бы работать, т.е., приходят к выводу ученые, для 70% россиян труд — это средство решения важных жизненных проблем и только 18,4% опрошенных вкладывают в смысл труда ощущение своей полезности, своего труда, т.е. его значимости для общества [8; 103]. М.К. Горшков на основе анализа неравенств в современной России приходит к важному выводу, что именно работающие россияне наиболее остро переживают свое положение, ощущая несправедливость сложившейся ситуации отсутствия связи между упорным трудом и честной работой, с одной стороны, и улучшением своего положения, с другой, что однозначно, по мнению этого ученого, является негативным индикатором, указывающим на то, что происходят процессы разрушения трудовой мотивации и формируются потенциальные источники социально-экономической нестабильности [9; 29]. Ощущение того, что личные усилия не влияют на улучшение положения, на изменение ситуации тотальной несправедливости в стране, оказывают негативное воздействие на активизм россиян, и, хотя, как показало исследование ИС РАН «Российское общество в контексте новых реалий», происходит постепенное движение россиян в сторону активизма, численность «активного» и «инертного» населения граждан нашей страны остается примерно в равной пропорции — около 40% на каждую группу при 20% тех россиян, которых можно отнести к смешанной группе, в которой активные и инертные установки и ценности присутствуют одновременно [10].

При этом важно, что «активные» россияне, принимающих ответственность за происходящее в жизни на себя, ориентирующихся на собственные силы, представлены в основном молодежью, отличающейся деловой предприимчивостью, материальной и социальной успешностью, ориентацией на инновации, уверенностью в будущем, в своей стабильности и успешности.

Их в исследовании ИС РАН назвали «самодостаточными», но в их ценностное кредо не входит приоритет общественного, общего блага, если это препятствует личному благу, т.е. они ориентированы на достижение личностного успеха и сфокусированы на собственной жизни [11].

В таком варианте активизм молодежи не может рассматриваться как основа для формирования профессионального активизма, т.е. профессионала как актора социального действия и идентичности профессионала [12; 112]. Мы вновь приходим к выводу, что такой критерий профессиональной компетентности, как «высокий уровень профессионального активизма как стремления своей профессиональной деятельностью преумножить общественные блага, т.е. принести пользу обществу, повысив тем самым престиж своей профессии» пока не характеризует профессиональный облик современной российской молодежи при всем том, что иные важные составляющие профессиональной компетентности, представленные в нашей системе критериев (способность к творческой активности и готовность к реализации инноваций в ходе профессиональной деятельности; готовность к проектированию индивидуальной траектории профессионального развития), судя по результатам указанного выше исследования ИС РАН, все же имеют место быть.

Формирование профессионального активизма в понимаемом нами ключе немислимо без наличия таких качеств, как трудолюбие, ответственность, честность, самоотдача в труде, добросовестное отношение к нему, которые, как показало исследование В.И. Чупрова, Ю.А. Зубок, Н.А. Романович, характерны в основном для российских граждан старше 40 лет [13], а молодежь, соответственно, на эти качества в труде и реализации своей профессиональной деятельности не ориентируется. Пока труд вновь не станет терминальной ценностью, а «работа по душе», соответственно, важным критерием выбора профессии, стратегия

«профессия на всю жизнь» или «профессия как дело всей жизни» не будет формироваться в молодежной среде, а данные российских исследователей показывают, что терминальная ценность труда стремительно снижается у российской молодежи, как и ориентация на общественное благо в ходе трудовой деятельности при параллельном росте ценности заработка [14; 124].

Одним словом, ожидать трудового подвига на благо Родины от российской молодежи, наверное, не стоит, так как этот стиль жизни, характерный для значительной части советской молодежи, не является идеалом или образцом для постсоветского молодого поколения, которое ориентировано на достижение собственного благополучия в жизни, на благоустройство своего микромира. Это, по сути, стало нормой труда для всего российского общества [15; 99], которое, будучи погруженным в процесс выживания, приспособления к сложным социально-экономическим условиям, не стремится пополнить свои знания, чтобы соответствовать уровню инновационного общества. 73%, как отмечается в исследовании ИС РАН, никак не пополняли свои знания за последние три года среди категории бедных россиян, в то время как среди небедных этот показатель ниже, но все же составляет внушительную цифру — 46% [16]. Можно, конечно, говорить о том, что бедным сложнее обновлять свои знания путем доступа к образовательным услугам, что особенно видно на региональном уровне [17].

Другими словами, в обществе не сформировался острый запрос на необходимость обновления, пополнения знаний и, соответственно, молодежь, хоть и более активно действующая в данном направлении, тоже не будет демонстрировать сверх высокую готовность к пополнению знаний их обновлению в таком обществе.

Критичную оценку тому, что происходит в современной России, с ее социокультурным пространством, в котором претерпевают серьезные изменения ценности профессии и труда, дал В.Э. Бойков, и мы склонны

с ним согласиться: «из сознания и образа жизни большой массы населения опережающими темпами в сравнении с реальным снижением уровня жизни вымываются сложные социокультурные потребности — в образовании, приобретении профессии по душе, в повышении деловой квалификации и т.д.» [18]. Престиж человека, как показывает в своем исследовании В.Э. Бойков, стал определяться «владением деньгами, материальными ценностями» (60,8% так считало в 2013 г. против 35,8% в 1987 г.), в то время как личные качества людей (привлекательность, ум, сила и др.) занимают последнюю строчку в числе факторов, определяющих социальное положение и статус человека в современной России (28,9% — в 2013 г. против 58,5% в 1987 г.).

Ж.Т. Тощенко в своей известной работе «Фантомы российского общества» пишет о том, что кардинальные трансформационные процессы в современной России, а также в сознании и поведении россиян выявили объективную тенденцию усиления роли субъективного фактора, субъектности, значимости жизнедеятельности социальных групп, слоев, от деятельности которых зависит ход общественных процессов [19;14]. Соответственно, повышается значимость молодежи как субъекта общественных отношений, ее профессиональной деятельности и отношения к профессии. В этой связи мы перейдем к освещению актуальной проблемы трудоустройства молодежи и ее профессиональной самореализации как показателей уровня и характера профессионализации и, в итоге, уровня развития профессиональных компетенций, связанных с готовностью к проектированию индивидуальной траектории профессионального развития; способностью к самостоятельному поиску новых знаний, овладению профессиональными инновациями; готовности к диверсификации профессиональной деятельности и профессиональной культуры, т.е. их изменению, совершенствованию с учетом изменений в условиях новой социальной

реальности; эффективностью профессиональной деятельности.

По международным меркам уровень безработицы в России, как отмечается в исследовании Левада-Центра, в целом никогда не был особенно высоким, и на 1 января 2015 года уровень безработицы составил 5,3% от экономически активного населения [20], но можно ли считать эти данные отражающими реальное состояние рынка труда в России? Скорее всего, нет, поскольку скрытая безработица имеет иные показатели в нашей стране и связана с нежеланием людей обращаться в бюро по трудоустройству и существовать на пособие, а также с нетрадиционными явлениями на российском рынке труда, такими как: задержки заработной платы, неполная занятость, административные отпуска и т.д., когда люди формально числятся занятыми при всем том, что их трудовые права не соблюдаются в полном объеме [21; 54].

Сложности трудоустройства, неудовлетворенность от работы, ее низкая оплачиваемость и т.д. порождают различные формы занятости молодежи, в том числе — нестандартной. Одна из форм нестандартной занятости привлекает особое внимание социологов. Речь идет о фрилансерах, с появлением которых связывают переход от «работника организации» к независимому работнику, занятость которого не связана с конкретной организацией, фирмой, а выстраивание карьеры и профессиональных стратегий решаются таким работником самостоятельно [21]. Сама современная реальность с увеличивающимся спросом на интеллектуальный труд, связанный с обработкой информации, аналитическими технологиями, создала условия для распространения нестандартной занятости. Фриланс — это не только вид нестандартной занятости, это и своеобразный стиль жизни, основанный на таких ценностях, как свобода, возможность оставаться самим собой, распоряжаться своим временем, ответственность и собственные критерии успеха, а фрилансер, как отмечает В.С. Харченко, — это независимый профессионал, для которого

фриланс выступает удобным, приемлемым способом выстраивания занятости, карьеры, как правило использующийся совместителями: студентами вузов, предпринимателями, домохозяйками и штатными сотрудниками организаций, хотя есть «чистые» фрилансеры, которые не совмещают фриланс с другим видом деятельности [21].

Уход в фрилансеры, изначально временный, может обернуться окончательной сменой типа деятельности, и уже определенная часть молодежи оценила возможности, которые дает фриланс, хотя зачастую деятельность этого типа не совпадает с получаемой или полученной специальностью, что приводит к депрофессионализации молодежи, которая в таком варианте профессиональной активности вряд ли станет актором социальной деятельности: профессиональная жизнь в свободном режиме, не связанная узами коллективной ответственности, а направленная только на достижение личных целей и планов, не придает профессиональной работе такого субъекта труда социальную ориентированность как изначально значимую для него. Оценивать однозначно фрилансеров сложно, так как выбор этого стиля жизни может быть продиктован разными причинами — от вынужденного характера в результате неудачной интеграции в систему социальных и профессиональных отношений общества, до добровольного как сознательный выбор такой стратегии профессиональной и трудовой жизни, ориентированной на достижение жизненных целей, в ином формате профессионально-трудовой деятельности не представляющееся возможным.

В стране, в которой по мнению 37% опрошенных ущемляются права человека на труд, хорошие условия труда и достойную его оплату [22], можно ожидать дальнейшего роста фрилансеров. Уход в фрилансеры обуславливается также неустойчивым, случайным или ситуационным характером профессионального выбора, который не связан любовью к конкретной профессии и стремлением отдать ей всю жизнь. В такой ситуации не возникает ощу-

щения того, что приносится жертва, человек ничего особенного не теряет, так как, по сути, и не находил и даже наоборот: именно в этом случае, после ухода в фрилансеры, очень часто и находят себя молодые люди.

Итак, в неблагоприятных условиях профессиональной самореализации профессиональная активность молодежи зачастую направляется не на повышение профессиональных знаний, компетенций, а на смену профессиональной деятельности. Именно в таком формате осуществляется готовность к диверсификации профессиональной деятельности как ее частичная или полная смена. Это может служить также показателем профессиональной инфантильности молодежи как ее неготовности развиваться, становиться в профессии, отстаивать себя в профессии, добиваться профессионального успеха именно в конкретной профессии. Неустойчивость профессиональных ценностей и установок становится поводом для реализации упрощенных практик адаптации на рынке труда, не связанных со стремлением повысить свою профессиональную квалификацию, обрести новые компетенции навыки, адекватные инновационным требованиям. Этот вывод, безусловно, отражает доминирующие тенденции депрофессионализации как результата комплекса причин: сложностей трудоустройства по специальности, низкая оплата труда молодого специалиста, несоответствие полученных профессиональных компетенциям требованиям рынка труда и инновационной реальности, высокая степень профессиональной неопределенности молодежи как благодатная почва для принятия решения о смене профессионального вида деятельности.

Общество, в котором доминируют тенденции депрофессионализации молодежи как основного ресурса социально-профессионального воспроизводства социума, обречено на длительную и мучительную гибель, что формирует необходимость поиска путей повышения профессиональной мотивации молодежи и ее профессиональной компетентности.

Примечания:

1. Дергунова Н.В., Лукичева Л.Ю. Образовательный капитал как фактор эмиграции выпускников российских провинциальных вузов (на примере Ульяновского государственного университета) // Власть. 2014. №12. С. 35-39.
2. Устинова К.А. Сфера образования и рынок труда: проблемы рассогласования // Социологические исследования. 2014. №6.
3. Семенова Л.А. Вхождение в профессию и некоторые социально-профессиональные ориентации молодежи // Научный вестник Волгоградской академии государственной службы. Сер. Политология и социология. Волгоград, 2009. Вып. 1, №1. С. 41-49.
4. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Отношение к социальной реальности в российском обществе: социокультурный механизм формирования и воспроизводства: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2014.
5. Горшков М.К., Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд., доп. и испр. М.: Институт социологии РАН, 2010.
6. Посухова О.Ю. Социокультурные особенности карьерного пространства Юга России // Вестник МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА. 2013. №2. С. 207-213.
7. Тихонова Н.Е. Динамика нормативно-ценностных систем россиян и перспективы модернизационного проекта // Вестник Института социологии. 2013. №3. С. 17. URL: www.vestnik.isras.ru.
8. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Указ. соч.
9. Горшков М.К. Общественные неравенства как объект социологического анализа // Социологические исследования. 2014. №7.
10. Российское общество в контексте новых реалий (тезисы о главном). М.: Институт социологии РАН, 2015. URL: http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf
11. Там же.
12. Чупров В.И., Зубок Ю.А., Романович Н.А. Указ. соч.
13. Посухова О.Ю. Конструирование идентичности профессионала как условие обеспечения национальной безопасности в российском обществе (на примере молодежи Ростовской области) // Трансформация идеи гражданского общества в контексте социальных изменений: сб. ст. по материалам Первой междунар. науч. конф. НИУ «БелГУ», 30 окт. 2014 г. Белгород: Изд-во БелГУ, 2014. С. 274-277.
14. Казарина-Волшебная Е.К., Комиссарова И.Г., Турченко В.Н. Парадоксы трансформации ценностных ориентаций российской молодежи // Социологические исследования. 2012. №6.
15. Семенова Л.А. Особенности профессионально-трудового самоопределения молодежи // Вестник Института социологии. 2011. №2. URL: www.vestnik.isras.ru
16. Российское общество в контексте новых реалий ...
17. Посухова О.Ю. Эндогенные факторы социальной мобильности в ростовской области // Власть. 2014. №9. С. 94-99.
18. Бойков В.Э. Человеческий фактор «теневой» экономики после 20 лет реформирования российского общества // Социологические исследования. 2014. №8. С. 94-95.
19. Тощенко Ж.Т. Фантомы российского общества. М.: Центр социального прогнозирования и маркетинга, 2015.
20. На грани кризиса: боятся ли россияне безработицы? URL: <http://www.levada.ru/17-02-2015/na-grani-krizisa-boyatsya-li-rossiyane-bezrabotitsy>
21. Харченко В.С. Образ жизни российских фрилансеров: социологический анализ // Социологические исследования. 2014. №4. С. 54.
22. Наиболее важные и ущемляемые права URL: <http://www.levada.ru/30-01-2015/naibolee-vazhnye-i-ushchemlyаемые-prava>.

References:

1. Dergunova N.V., Lukicheva L.Yu. Educational capital as the factor of emigration of graduates of Russian provincial universities (Ulyanovsk State University as an example) // Vlast. 2014. No. 12. Pp. 35-39.
2. Ustinova K.A. Education sphere and labor market: problems of noncoincidence // Sociological studies. 2014. No. 6.
3. Semenova L.A. Entry into the profession and some of the socio-professional orientation of young people // Scientific Bulletin of the Volgograd Academy of Public Administration. Series: Political Science and Sociology (Issue 1). Publisher VAPA. 2009. No.1. P.41-49.
4. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Attitude towards social reality in the Russian society: social and cultural mechanism of formation and reproduction: a monograph. M.: Norma: INFRA-M., 2014.

5. Gorshkov M.K., Sheregi F.E. Youth of Russia: sociological portrait. 2-nd edition, updated, M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2010.
6. Posukhova O.Yu. Sociocultural characteristics of the career space of the South of Russia // Bulletin of MGIMO-University. 2013. No. 2. p. 207-213.
7. Tikhonova N.E. The dynamics of the regulatory systems of values of Russian people and prospects of Russian modernization project // Bulletin of the Institute of Sociology. 2013. No. 3. P. 17 // www.vestnik.isras.ru.
8. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Attitude towards social reality in the Russian society: social and cultural mechanism of formation and reproduction: a monograph. M.: Norma: INFRA-M., 2014
9. Gorshkov M.K. Social inequality as an object of sociological analysis // Sociological Studies. 2014. No. 7.
10. Russian society in the context of new realities (keynotes). M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2015 [electronic resource] http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf
11. Ibidem.
12. Chuprov V.I., Zubok Yu.A., Romanovich N.A. Attitude towards social reality in the Russian society: social and cultural mechanism of formation and reproduction: a monograph. M.: Norma: INFRA-M., 2014.
13. Posukhova O.J. Professional identity design as a condition of national security in Russian society (Rostov region youth as an example) // Transformation of the idea of civil society in the context of social changes: a collection of articles based on the materials of the First International Scientific Conference. NIU «BSU», October 30, 2014. Belgorod: ID «Belgorod» NIU «BSU», 2014. Pp. 274 — 277.
14. Kazarina-Volshebnyaya E.K., Komissarov I.G., Turchenko V.N. Paradoxes of the transformation of value orientations of the Russian youth // Sociological Studies. 2012. No. 6.
15. Semenova L.A. Peculiarities of professional self-determination of youth // Bulletin of the Institute of Sociology. 2011. No. 2 // www.vestnik.isras.ru
16. Russian society in the context of new realities (keynotes) M.: Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, 2015 [electronic resource] // http://www.isras.ru/files/File/publ/resume_isras_28.01.2015.pdf
17. Posukhova O.Yu. Endogenous factors of social mobility in the Rostov region // Vlast. 2014. №9. P. 94-99.
18. Boykov V.E. Human factor of «grey» economy after 20 years of reforms in Russian society // Sociological studies. 2014. No. 8. P. 94-95.
19. Toschenko Z.T. Phantoms of Russian society. M.: Center for Social Forecasting and Marketing, 2015.
20. At the brink of crisis: whether Russians are afraid of unemployment? [Electronic resource] // <http://www.levada.ru/17-02-2015/na-grani-krizisa-boyatsya-li-rossiyane-bezrabortitsy>.
21. Kharchenko V.S. Lifestyle of Russian freelancers: sociological analysis // Sociological studies. 2014. No.4. P.54.
22. The most important and violated rights [electronic resource] // <http://www.levada.ru/30-01-2015/naibolee-vazhnye-i-ushchemlyaemye-prava>.